

Раннее материнство: психологическая проблема или социальный конструкт?

Т.О. Арчакова,

научный сотрудник лаборатории психолого-социальных проблем профилактики безпризорности и сиротства Московского городского психолого-педагогического университета, психолог благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» tatyana.archakova@gmail.com

В статье проблема беременности и материнства в подростковом возрасте анализируется с точки зрения социального конструирования. Приводится обзор зарубежных исследований, посвященных этой проблеме, рассматриваются факторы, которые оказывают влияние на восприятие личности юных матерей психологами и социальными работниками. Обобщаются результаты исследований типичных психологических проблем юных матерей в сферах личностного развития и детско-родительских отношений. Выявляются недостатки в организации и методологии исследований, которые приводят к искажениям результатов. Показывается связь социальной политики в отношении юных матерей, социального статуса таких матерей, их этнической принадлежности со сложившимися в научной литературе представлениями о юных матерях как о группе риска с девиантным поведением.

Ключевые слова: юные матери, девиантное материнство, социальное конструирование проблем, группы риска, детско-родительские отношения, социальная политика, социальная антропология, отказ от новорожденного ребенка.

Подростковый возраст – это исторически наиболее поздний и крайне чувствительный к социальным аспектам период онтогенеза. Подростничество как переходный период на пути к взрослости (transition to adulthood) нельзя считать окончательно сложившимся в культурно-исторической перспективе.

Исторически беременность в юном возрасте была вариантом (в некоторых обществах – эталоном) нормы, в XVIII – XIX вв. она стала предметом регуляции со стороны общества и родителей. В Европе и Америке подростковое материнство стало рассматриваться психологами и социальными работниками как отдельная проблема в 1960–1970-е гг. К этому же периоду относится начало второго демографического перехода, одним из аспектов которого является увеличение возраста рождения первого ребенка. В когорте женщин, родившихся в 1960-е гг., в США средний возраст рождения ими первенца составил 24,5 лет (наиболее низкий по сравнению с Северной и Центральной Европой), а в Нидерландах – почти 29 лет (наиболее высокий). Однако для юга Европы и стран бывшего

соцлагеря откладывание рождения ребенка является сравнительно недавней тенденцией [11].

До 1960-х гг. проблемой была внебрачная беременность, а с 1970-х гг. фокус общественного внимания переместился на *возраст* матери. Это произошло уже после пика подростковой рождаемости, поэтому необходимо рассмотреть иные причины выделения подростковой беременности как особой проблемы, помимо ее распространенности.

В современном обществе традиционная модель материнства и детства претерпевает серьезные изменения, соответствующие изменениям в общественных отношениях. Ситуацию можно охарактеризовать как создание или поиск новых моделей, основанных на осознании как потребностей матери, так и особенностей психического развития ребенка [6].

С одной стороны, это создает предпосылки для пересмотра стереотипов, для более дифференцированного и толерантного отношения к «нестандартным» формам материнства, в том числе к подростковому материнству. С другой стороны, существует связь между общественными потребностями и мерой материнской ответственности за рождение ребенка: «Если общество заинтересовано в сохранении здоровья и воспитании ребенка, то его внимание направляется на мать <...>. Она становится лучшей или худшей матерью в зависимости от того, ценится или же обесценивается в обществе материнство» [1, с. 13]. Именно в силу этого обстоятельства маргинализируются матери-подростки, так как им трудно соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к матери в современном обществе.

Идея о том, что подростковое материнство – это «всего лишь» социальный конструкт, не нова. Энн Муркотт со своей работой «The Social Construction of Teenage Pregnancy: a Problem in Ideologies of Children and Reproduction» (1980) была одним из первых авторов, проанализировавших социальное конструирование этой проблемы, указав на следующие ее аспекты [17].

Во-первых, **подростковая беременность является заведомо нелегитимной**: она не может наступить в браке, поскольку этому препятствует установленный возраст вступления в брак (поступок становится проблемой постольку, поскольку существует правило, которое он нарушает [15]).

Во-вторых, несмотря на то, что в современном мире детство перестало рассматриваться как подготовка ко взрослой жизни и обрело самостоятельную ценность, **преимущество между детством и взрослостью отсутствует**. Это два взаимоисключающих статуса; и только взрослый может родить и воспитывать ребенка. Подростковая беременность размывает общепринятую концепцию разделения на «ребенка» и «взрослого». Образ ребенка эпохи Просвещения как изначально гармоничного,

нуждающегося в защите от неадекватной социализации, сохраняется до сих пор, например, когда поступки несовершеннолетних правонарушителей объясняются исключительно их негативным ранним опытом [17]. **Беременность девочки-подростка – это знак потери ею невинности, что символически лишает ее статуса ребенка, но не предлагает никаких альтернатив.** Разрушая категорию детского, она становится девиантным взрослым (A. Lawson, 1993) [15].

С точки зрения социальной антропологии, подростковая беременность угрожает доминирующим представлениям о детстве, так как противоречит ряду запретов и табу современного общества (в том числе и закрепленных в правовых нормах, таких как «возраст согласия»). В знаменитой работе Мэри Дуглас «Чистота и опасность» выделяются различные формы «загрязнения» («social pollution»), две из которых прослеживаются в феномене подростковой беременности: *нарушение границ и противоречия в базовых постулатах*, заставляющих систему воевать саму с собой. Одно из таких противоречий – снижение возраста наступления половой зрелости и повышение возраста социальной зрелости. Энн Муркотт отмечает, что в современной ситуации впору задаться вопросом, почему беременности и рождение детей у девушек-подростков случаются так *редко* [17].

Происходящее уже сейчас, в начале XXI в., увеличение продолжительности «переходного» возраста напрямую влияет на понимание раннего родительства. Расширение понятия «родители группы риска» приводит к потере им всякого смысла, как, например, снижение возраста целевой группы «родители-подростки» с 16 до 20 лет в британской Новой лейбористской стратегии в отношении подростковой беременности (New Labour's Teenage Pregnancy Strategy). Исследователи университета Southampton (Великобритания) в одной из работ определили раннее материнство как наступившее до 20 лет, а раннее отцовство – до 23 лет. Как отмечает Ян Маквариш, «все родители становятся в некотором смысле подростками», потому что оказываются в позиции учеников перед лицом экспертного знания о «правильном» родительстве [16].

В-третьих, имеет место **профессионализация** (в частности, медиализация) **беременности и детства.** Специалисты и общественность, описывая беременность, балансируют между нормой и патологией; детство, особенно раннее, также считается периодом особого риска, для предотвращения нарушений развития используется скрининг детского населения и т.д. Психология развития близка в этом к медицине: она тоже обладает экспертными знаниями о нормальном ходе развития и о том, какие проблемы возникают на основе негативного раннего опыта [17].

К. Маклеод прослеживает в профессиональной литературе о подростковом родительстве определенный тип двойного послания: прохождение такого нормативного этапа личностного и социального развития, как подростковый возраст, делает девушку

уязвимой для незапланированной беременности (за счет недостатка опыта и знаний, подверженности влиянию сверстников, высокой значимости интимно-личностных отношений и др.), но появление ребенка в этой ситуации оценивается как ненормативное, а возрастные особенности служат для обоснования родительской некомпетентности юной матери. В таких случаях именно *развитие* исчезает из фокуса внимания: родительская компетентность рассматривается, скорее, как результат, которого надо успешно достигнуть, а не как постоянный процесс взаимодействия с ребенком, процесс личностного роста, освоения культуры родительства в ее многообразии [15].

На смену морализации подростковой беременности пришла ее психологизация: она обсуждается в терминах «социально-экономических последствий» и «психосоциальных рисков». В качестве иллюстрации данного перехода можно использовать предложенную А. Шнайдер и Х. Ингрэм (1993) модель конструирования различных целевых групп социальной политики. Эти группы получают поощрения, помощь или взыскания в зависимости от оценочного компонента (негативного или позитивного) и от степени их влиятельности¹ (сильной или слабой). Таким образом выделяются четыре группы: сильные позитивные (например, малый и средний бизнес), сильные негативные (потенциальные конкуренты текущей власти – профсоюзы, богема), слабые позитивные, или «зависимые» (дети, инвалиды), слабые негативные, или «девиантные» (преступники, наркозависимые). В качестве целевой группы социальной политики юные матери изначально были отнесены к группе «девиантных», но постепенно перешли в группу «зависимых» (например, британские авторы датируют этот переход 1990-ми гг.) [21].

Такое «перемещение» отражает противоречивый и размытый дискурс юного материнства: с одной стороны, эти девушки преступили некие нормы и стали бременем для налогоплательщиков, с другой стороны – это молодые люди (а с точки зрения Конвенции о правах ребенка – дети), которые особо уязвимы и нуждаются в помощи.

К настоящему времени в англоязычной литературе накоплен большой массив исследований, согласно которым матери-подростки обладают низкими навыками планирования, заниженной самооценкой, низкой мотивацией к учебе и профессиональному самоопределению, склонны излишне романтично воспринимать действительность, относятся к группе риска по возникновению послеродовой депрессии [9; 10; 12]. Беременность и рождение ребенка часто приводят к изоляции от сверстников (D. deAnda & R.M. Вессера, 1984) [10]. Многие юные матери испытывают чувство вины по отношению к своим матерям за то, что огорчили их появлением ребенка и последующими хлопотами [9].

---

¹ В оригинале – «политической власти» («political power»). Не все целевые группы действуют непосредственно в сфере политики, поэтому в переводе мы делаем акцент на их способность влиять на социальную ситуацию – свою собственную или более широкого социума.

В отношении детей юные матери демонстрируют менее эффективное родительское поведение, чем взрослые женщины (отличаются меньшей эмоциональной отзывчивостью, сензитивностью к ребенку, меньшим числом вербальных контактов, менее стимулирующим и более авторитарным поведением, большей небрежностью в организации режимных моментов и распространенностью плохого обращения по сравнению со взрослыми матерями; J. Brooks-Gunn & F.F. Frustenberg, 1986; F.J. McLaughlin, H.M. Sandler, K. Sherrod, P.M. Vietze & S.M. O'Connor, 1979; H.J. Osofsky & J.D. Osofsky, 1970 и др.) [18, 19]. Юные матери часто воспринимают ребенка как «продолжение» значимого другого, а не как самостоятельную ценность [10].

Здесь для анализа нам потребуется понятие «отсутствующее, но подразумеваемое» («absent-but-implicit»), которое привнесено в психологию М. Уайтом и основывается на идеях Ж. Дерриды о том, как смыслы, которые мы выносим из текста, зависят от проводимого нами различия между представленным в тексте (привилегированный смысл) и пропущенным в тексте (подчиненный смысл) [3]. В приведенных исследованиях «отсутствующее, но подразумеваемое» – это **идеальный образ взрослой женщины**, которая не сталкивается с незапланированными беременностями, потому что всегда реалистично оценивает ситуацию, не поддаваясь чувствам, обладает адекватно высокой самооценкой, осознанно и эффективно планирует свою деятельность. Став матерью, она всегда готова к взаимодействию с ребенком, не подвержена депрессивным настроениями, переживаниям вины и стыда, сама справляется со всеми проблемами.

Не только юные матери, но и их родители, допустившие беременность дочерей, тоже оказываются далеки от этого идеала: они описываются как некомпетентные в вопросах полового просвещения, пренебрегающие эмоциональными потребностями детей. Единственным человеком, который может исправить ситуацию («разорвать цикл семейного неблагополучия») оказывается специалист, который отождествляется с образом «идеального взрослого» [15].

Необходимо отметить, что с 1990-х гг. исследователи в большинстве своем стали подчеркивать индивидуальные возможности юных матерей к адаптации, согласовывая их, однако, со статистическими данными о негативных последствиях подросткового материнства: «Многие подростки становятся хорошими родителями, но в группе детей с психо-социальными проблемами велика доля тех, чьи родители были подростками на момент их рождения» [22, с. 3].

Примерно в это же время стала активно развиваться правозащитная деятельность самих юных матерей, начали создаваться группы взаимной поддержки, где в качестве консультантов выступают женщины, основывающиеся на собственном опыте

(experience consultants). С появлением интернет-технологий этот процесс стал еще более видимым: «Организация TeenMAS выросла из страницы в социальной сети MySpace, созданной в 2006 г. Менее чем за 8 месяцев у страницы появилось 14000 читательниц. TeenMAS возглавляет Майра Веласкез, которая сама родила ребенка в возрасте 16 лет. Проблемы, которые она преодолевала, будучи юной мамой, побудили ее к тому, чтобы начать помогать другим девушкам в такой же ситуации»².

В дальнейшем некоторые авторы описывали процесс «изобретения» проблемы подросткового материнства в XX в. (W.R. Arney & B.J. Bergen, 1984), подвергали сомнению негативный образ юных матерей (S. Macintyre & S. Cunningham-Burley, 1993) и искали его истоки в социальных страхах (Luker, 1996). P. Selman (2003) связывает стигматизацию юных матерей с «моральной паникой» («moral panic»), т.е. с алармистским дискурсом в отношении общественной морали [21].

Однако простая констатация того, что подростковое материнство является социально сконструированной проблемой, также является своеобразной формой редукционизма (I. Hacking, 1999). Взвешенное решение заключается в признании того, что подростковое материнство [21]:

- часто оказывается в центре внимания на волне «моральной паники»;
- часто является причиной стигматизации юных матерей, даже если они адекватно адаптируются к своей новой роли;
- представляется в неадекватных масштабах из-за некорректного освещения в СМИ и/или из-за политических интересов тех или иных социальных групп.

К примеру, популярные британские СМИ в заметках о подростковой беременности и материнстве используют гиперболы («эпидемия»), эмоционально насыщенные определения («вопиющий случай»), повторы ключевых слов («дети растят детей»). Гораздо более редко становятся известными истории о девушках, которые родили рано, но реализовали свой шанс стать хорошими матерями и успешными специалистами. Эти истории выглядят как исключения, подтверждающие правила [21]. Парадоксально, но спекуляции на теме «детей, растящих детей» разрушают смысл воспитания детей как занятия, требующего взрослой родительской внутренней позиции, и делают идею материнства в глазах наименее зрелых подростков способом привлечения к себе внимания и поддержки [16].

«Моральная паника» является слишком размытым и оценочным термином, поэтому обратимся к данным исследований. D.M. Kelly выделила следующие три подхода к

---

² <http://www.teenmas.org>

пониманию подростковой беременности и материнству [13], которые разделяются как психологами, так и представителями сфер образования, управления и СМИ.

Патологизирующий подход³. *«Проблема – в психологическо неблагополучии девушки».* Раннее материнство объясняется эгоистической мотивацией или рассматривается как реакция на опыт жестокого обращения, в том числе и сексуального насилия. В любом случае, это – стрессовое и в целом негативное событие в жизни девушки, а помощь сводится к психотерапии и мониторингу выполнения ею родительских обязанностей. Декларируется необходимость толерантного отношения к юным матерям, важность поддержки, но зачастую все это оборачивается попытками жестко контролировать процесс адаптации девушек к материнской роли.

Традиционалистский подход. *«Проблема – в семье, в уходе от семейных ценностей».* Согласно этой точке зрения, раннее материнство является результатом распада института традиционной семьи и следующим звеном в цепи межпоколенных нарушений. Семья, а не общество (например, не школа), должна заниматься профилактикой ранних беременностей и половым просвещением. Иногда делается акцент на пропаганде воздержания, ограничения доступа подростков как к контрацепции, так и к абортам. Поддерживается идея передачи юными матерями детей на усыновление в благополучные полные семьи. Такой подход ведет к наиболее явной форме стигматизации.

Оппозиционный подход. *«Проблема – в системе социального обеспечения, не оказывающей должной поддержки подросткам».* При таком подходе обращается внимание на связь раннего материнства с бедностью или расой; отстаивается многообразие форм семьи и возможность девушки решать, оставить ли ей ребенка; декларируется необходимость поддерживать юную мать в ее решении; признается необходимость бороться с социальной изоляцией юных матерей. Доминирующие в обществе представления о «хорошей матери», принадлежащей к среднему классу, могут иметь негативные психологические последствия для молодых женщин, живущих в иных условиях. Всего лишь 3% научных и популярных статей о раннем материнстве содержат прямую речь самих юных матерей (Канада, 1980–1992). В условиях такого «молчания» N. Fraser (1989) говорит о неоднозначности в интерпретации потребностей. Специалисты, работающие с юными матерями, принимают решения на базе научно обоснованных данных, собственного профессионального и личного опыта, гораздо в меньшей степени ориентируясь на представления самой юной матери о ее потребностях и потребностях ее ребенка [13].

---

³ В оригинале он дословно называется «бюрократическим». Имеется в виду, что сведение проблемы исключительно к личностным особенностям юных матерей не ведет к социальной рефлексии, не требует изменения и развития предоставляемых им услуг, снимая с общества ответственность за негативные последствия раннего материнства.

Такая ситуация сложилась не столько из-за вольностей в трактовке результатов, сколько из-за особенностей организации исследований и формирования выборки. С точки зрения M.W. Stewart (1981), результаты большинства исследований юных беременных и матерей обладают низкой валидностью и потому не могут быть распространены на всю выборку [20].

Рассмотрим особенности изучения интересующей нас проблемы подробнее.

Во-первых, большинство исследований – описательные, они сфокусированы на особенностях личности, межличностных отношений, социальной ситуации юных матерей, игнорируя возможности сравнения с «нормальными» популяциями (со взрослыми матерями или с не имеющими детей подростками). Изучение юных матерей как отдельной маргинальной группы в ущерб пониманию их как подростков и как женщин-матерей не позволяет увидеть то общее и существенное, что объединяет их с представительницами социальной нормы. Так, недавние исследования показывают, что повышенная потребность в поддержке со стороны окружающих свойственна женщинам со сформированной психологической готовностью к материнству.

Во-вторых, преобладают исследования матерей-подростков из малообеспеченных семей (в США – это, чаще всего, исследования юных матерей-афроамериканок), что связано с большей доступностью этой группы – они проживают в социальных приютах, обращаются за помощью в органы социальной защиты. Это связано также с имплицитным допущением, что экономическая зависимость связана с личностным неблагополучием.

Как отметил F. Liben (1969), для объяснения причин раннего материнства у девушек из малообеспеченных слоев населения в литературе используются в основном социально-демографические факторы (неполная семья, низкий образовательный уровень, недоступность эффективной контрацепции и др.), а применительно к девушкам из среднего класса – интрапсихические (низкая самооценка, конфликтные отношения с матерью и др.). Южноафриканские исследователи гораздо чаще, по сравнению с психологами из США и Великобритании, используют социокультурные, а не личностные факторы для объяснения феномена раннего материнства [20].

Проблеме социального неравенства как потенциального источника искажений в исследованиях раннего родительства следует уделить отдельное внимание. Материнство санкционировано только при определенных условиях, таких как полная дееспособность⁴ и финансовая независимость, которые для многих женщин могут быть недостижимы

---

⁴ В российском законодательстве нет понятия «неполная, частичная дееспособность», которое используется во многих странах Европы. В качестве примера материнства, часто воспринимаемого как «неправильное», в этом контексте можно привести матерей с легкой или средней степенью умственной отсталости, которые обладают родительскими правами наравне с «нормальными» матерями, но испытывают трудности в выполнении родительских обязанностей и зависят в этом от помощи ближайшего окружения.

независимо от возраста. В то же время многие гендерные исследования делают акцент на том, что путь достижения личностной зрелости для женщины – это вступление в отношения заботы со значимым другим (мужчиной или ребенком) в отличие от типично мужского пути развития, в котором точками отсчета служат образование и карьера [15].

Представительницы разных социальных классов по-разному трактуют соотношение между материнством и личностной зрелостью. Представительницы среднего класса считают, что им надо достичь зрелости перед тем, как обзаводиться детьми, тогда как для женщин из рабочего класса рождение ребенка и является путем к достижению зрелости (L. Davies et al., 1999) [20]. Это же верно и для многих этнических групп. Этнические различия определяют степень удовлетворенности подростков своим родительством: у юных афроамериканок самооценка оказалась выше, чем у белых девушек, то же оказалось верным для отцов-подростков (M.A. Pirog-Good, 1995). Афроамериканские отцы-подростки воспринимают свое родительство как нормативный культурный опыт (F.P. Rivara, P.J. Sweeney, B.F. Henderson, 1985) [12].

Девушкам, проживающим в условиях выраженной социальной эксклюзии (нелегальным мигранткам, обитательницам бедных кварталов и др.), доступен очень ограниченный объем образовательных и медицинских услуг. В их ситуации раннее материнство можно оценить как эффективную культурную стратегию: ребенок рождается, пока здоровье матери не отягощено хроническими заболеваниями, и успевает вырасти в семье, несмотря на небольшую продолжительность жизни в данной социальной группе. При этом жизненная траектория практически не изменится от откладывания рождения ребенка на более поздний срок (A. Geronimus, 1991) [8].

Это не позволяет однозначно говорить о ранней беременности как о рациональном выборе, однако исследования беременных подростков – учениц IX–XII классов из малообеспеченных районов различных городов США, посещавших курсы подготовки к родительству, выявили, что примерно 1/3 беременностей были запланированными (по данным отечественных исследователей, запланированной является каждая пятая подростковая беременность [2]).

Создание психологических и социальных моделей подростковой беременности, в которых раннее родительство становится последствием или результатом неблагополучия, – часть большой дискуссии о вине и ответственности общества или женщины, ставшей матерью в «неподобающих» условиях.

В-третьих, нельзя не отметить сфокусированность исследований на юной матери, ее проблемном поведении или психологическом состоянии при изучении как внутриличностных изменений, так и социокультурного контекста. S.F. Hartley (1974) подсчитал, что на одну публикацию, посвященную отцам детей юных матерей, приходится 25–30 работ, посвященных исключительно юным матерям. Значительного внимания

заслуживают и мезосистемные факторы (отношения юных матерей с их матерями, партнерами, сиблингами), и макросистемные факторы (культурно-этнические нормы, социальная и семейная политика). Надо отметить, что с момента создания этого критического обзора появилась масса работ, посвященных сравнению юных матерей с их сверстницами, не имеющими ребенка, и со взрослыми матерями, а также ближайшему социальному окружению юных матерей.

Однако культурно-историческое происхождение феномена подросткового материнства не отменяет реальность психологических, социальных, правовых проблем, возникающих у юных матерей и их детей в ряде конкретных случаев. Ян Хакинг (1999) называет такую позицию «скептическим» («skeptical») социальным конструкционизмом в отличие от радикального. Он предлагает рассматривать подростковое материнство не только как социальную проблему, но и как уникальный опыт девушек и их детей, как сферу экспертного знания (если помощь все-таки требуется) [7].

Какие проблемы изучения раннего материнства и помощи юным матерям в отечественной практике можно сформулировать в свете вышесказанного?

Изучая негативные последствия раннего родительства (а именно они в настоящее время находятся в фокусе внимания российских психологов), мы сталкиваемся с вопросом: что выполняет паталогизирующую функцию – само раннее родительство или негативное отношение к нему ближайшего окружения девушки и широкого социума, стигматизация? Парадокс заключается в том, что крайне сложно описать «типичную» точку зрения на раннее материнство в России, даже если ограничиться анализом только научно-методической литературы. Так, в сборнике «Раннее родительство», вышедшем в 2009 г., можно найти идеи и «правозащитного», и «психологизаторского», и «морализаторского» толка, причем последние преобладают, особенно в статьях по профилактике ранних беременностей [5]. Поскольку подростковое материнство стало объектом исследований и консультативной практики только в 1990-е гг., наблюдается своеобразное смешение подходов, которые в странах Европы и США сменяли друг друга во времени.

Наиболее значимой для практики проблемой является осознание консультирующим психологом его собственных установок и ценностей в отношении раннего материнства, а также влияющего на них широкого контекста: социальной политики, экспертного психологического знания, информации из СМИ и др.

В отечественной психологии материнства особое внимание отводится ценностно-смысловой сфере: важным показателем развития материнской сферы личности является «отношение к ребенку как самостоятельной ценности <...>, а также ценность материнства как состояния “быть матерью”» [6, с. 150]. «Для обеспечения потребностей младенца требуется, чтобы к моменту рождения материнство вышло на первую позицию в иерархии

потребностей и ценностей женщины» [4, с. 18]. Случаи, когда деторождение обусловлено мотивами, внешними по отношению к ребенку (например, удержание мужчины, получение материальной выгоды и др.), оцениваются как неблагоприятные для развития детско-родительских отношений [4].

Можно предположить, что у многих российских специалистов идея о ребенке и материнстве как доминирующих ценностях сосуществует с личным опытом проживания ряда социально-политических и экономических кризисов последнего десятилетия XX в., когда эффективной стратегией было откладывание деторождения или отказ от него, а матери «незапланированных» детей оценивались как те, которые не могут «ничего им дать» или даже как «плодящие нищету». В настоящее время внимание к родительским ресурсам («что она может дать ребенку») сместилось с материальных нужд в сторону успешной социализации и познавательного развития.

Раннее материнство не является этически нейтральной проблемой, в том числе для специалистов, занятых исследовательской или практической работой в этой сфере. Восприятие подросткового материнства часто нагружено смыслами, связанными с сексуальностью, разрушением идеалов «традиционной» семьи, «безотцовщиной», бедностью и маргинальностью [14]. Осознание своих личных принципов, опасений или надежд, связанных с проблемой ранних беременностей, а также анализ широкого социального контекста помогут специалистам-психологам улучшить качество их практической работы с девушками и их окружением.

Литература

1. *Бадинтер Э.* Любовь в дополнение: История материнской любви (18-20 века). М., 1990.
2. *Гуркин Ю.А., Сулопаров Л.А., Островская Е.А.* Основы ювенильного акушерства. СПб., 2001.
3. *Кэри М., Уолтер С., Рассел Ш.* Отсутствующее, но подразумеваемое: карта, помогающая задавать терапевтические вопросы // Введение в нарративную практику. [Web-документ: http://narrlibrus.wordpress.com/2011/12/13/abi_map/]
4. *Ланцбург М.Е.* Роль психологической подготовки и поддержки в реализации родительских функций // Психологическая наука и образование. 2011. №1.
5. *Раннее родительство: методика профилактики, организация работы с несовершеннолетними матерями* / Под ред. С.В.Волковой, В.И.Крюкова М., 2009.
6. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства. М., 2002.
7. *Arai L.* *Teenage Pregnancy: the Making and Unmaking of the Problem.* Bristol, 2009.

8. *Breheny M., Stephens C.* Individual Responsibility and Social Constraint: The Construction of Adolescent Motherhood in Social Scientific Research // Culture, Health & Sexuality. 2007. Vol. 9. № 4.
9. *Clemmens D.A.* Adolescent Mother's Depression after the Birth of Their Babies: Weathering the Storm // Adolescence. 2002. Vol. 37. №147.
10. *Cowley C.* Adolescent Girls' Attitudes Towards Pregnancy // Journal of Family Practice. Vol. 50. №7.
11. *Frejka T., Sardon J.-P.* First Birth Trends in Developed Countries: Persisting Parenthood Postponement // Demographic Research. 2006. Vol. 15.
12. *Hudson D.B.* Depression, Self-Esteem, Loneliness and Social Support Among Adolescent Mothers Participating in the New Parents Project// Adolescence. 2000. Vol.35. №139.
13. *Kelly D.M.* Stigma Stories: Four Discourses About Teen Mothers, Welfare and Poverty // Youth Society. 1996. №27.
14. *Luker K.* Dubious Conceptions: the Politics of Teenage Pregnancy. Harvard University Press, 1996.
15. *Macleod C.* Teenage Pregnancy and the Construction of Adolescence: Scientific Literature in South Africa // Childhood. 2003. Vol. 10. № 4.
16. *Macvarish J.* How Teenage Pregnancy Became Redefined as a Social Problem. Battle of Ideas, 14.10.2010. [Web-документ: <http://www.battleofideas.org.uk/index.php/2010/battles/5380/>]
17. *Murcott A.* The Social Construction of Teenage Pregnancy: a Problem in the Ideologies of Childhood and Reproduction // Sociology of Health & Illness. 1980. Vol. 2. Issue 1. <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-9566.1980.tb00198.x/abstract>
18. *Passino A.W.* et al. Personal Adjustment During Pregnancy and Adolescent Parenting // Adolescence. 1993. Vol.29. №109.
19. *Prodromidis M.* Psychosocial Stressors among Depressed Adolescent mothers// Adolescence 1994. Vol.29. № 114.
20. *Stewart M.W.* Adolescent Pregnancy: Status Convergence for the Well-Socialized Adolescent Female // Youth & Society. 1981. № 12.
21. *Teen Pregnancy and Parenting: Social and Ethical Issues* / Ed. J. Wong and D. Checkland. University of Toronto Press, 1999.
22. *XIST Unga Foraldrar* Socially Excluded Young Parents: Final Report Year 3 (2003–2006). Sweden, Stockholm, 2007.

Early motherhood: psychological problem or social construct?

T.O. Archakova

senior researcher, Laboratory for psychosocial problems of prevention of homelessness and orphanhood, Moscow State University of Psychology and Education, psychologist, Charity Fund "Volunteers to help orphaned children"
tatyana.archakova@gmail.com

The article analyzes the problem of pregnancy and motherhood in adolescence from the point of view of social constructionism. It gives a review of foreign studies which are devoted to this problem, and examines the factors which influence the perception of personality of young mothers by psychologists and social workers. The results of research of typical psychological problems of young mothers in the spheres of personal development and child-parent relations are generalized. The article also identifies the flaws of methodology and design of research works which cause the distortion of their results. It shows the relationship of social policy in respect of young mothers, social status of such mothers, their ethnic belonging, and perceptions of young mothers as a risk group with deviant behavior which have formed in scientific literature.

Keywords: young mothers, deviant motherhood, social construction of problems, risk groups, child-parent relations, social policy, social anthropology, newborn child abandonment.

References

1. *Badinter E. Lyubov' v dopolnenie: Istoriya materinskoi lyubvi (18-20 veka)*. M., 1990.
2. *Gurkin Yu.A., Susloparov L.A., Ostrovskaya E.A. Osnovy yuvenil'nogo akusherstva*. SPb., 2001.
3. *Keri M., Uolter S., Rassel Sh. Otsutstvuyushee, no podrazumevaemoe: karta, pomogayushaya zadavat' terapevticheskie voprosy // Vvedenie v narrativnuyu praktiku*. [Web-dokument: http://narribrus.wordpress.com/2011/12/13/abi_map/]
4. *Lanenburg M.E. Rol' psihologicheskoi podgotovki i podderzhki v realizacii roditel'skih funktsii // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2011. ¹1.
5. *Rannee roditel'stvo: metodika profilaktiki, organizatsiya raboty s nesovershennoletnimi materyami / Pod red. S.V.Volkovoi, V.I.Kryukova M.*, 2009.
6. *Filippova G.G. Psihologiya materinstva*. M., 2002.
7. *Arai L. Teenage Pregnancy: the Making and Unmaking of the Problem*. Bristol, 2009.

8. *Breheny M., Stephens C.* Individual Responsibility and Social Constraint: The Construction of Adolescent Motherhood in Social Scientific Research // Culture, Health & Sexuality. 2007. Vol. 9. № 4.
9. *Clemmens D.A.* Adolescent Mother's Depression after the Birth of Their Babies: Weathering the Storm // Adolescence. 2002. Vol. 37. №147.
10. *Cowley C.* Adolescent Girls' Attitudes Towards Pregnancy // Journal of Family Practice. Vol. 50. №7.
11. *Frejka T., Sardon J.-P.* First Birth Trends in Developed Countries: Persisting Parenthood Postponement // Demographic Research. 2006. Vol. 15.
12. *Hudson D.B.* Depression, Self-Esteem, Loneliness and Social Support Among Adolescent Mothers Participating in the New Parents Project// Adolescence. 2000. Vol.35. №139.
13. *Kelly D.M.* Stigma Stories: Four Discourses About Teen Mothers, Welfare and Poverty // Youth Society. 1996. №27.
14. *Luker K.* Dubious Conceptions: the Politics of Teenage Pregnancy. Harvard University Press, 1996.
15. *Macleod C.* Teenage Pregnancy and the Construction of Adolescence: Scientific Literature in South Africa // Childhood. 2003. Vol. 10. № 4.
16. *Macvarish J.* How Teenage Pregnancy Became Redefined as a Social Problem. Battle of Ideas, 14.10.2010. [Web-документ: <http://www.battleofideas.org.uk/index.php/2010/battles/5380/>]
17. *Murcott A.* The Social Construction of Teenage Pregnancy: a Problem in the Ideologies of Childhood and Reproduction // Sociology of Health & Illness. 1980. Vol. 2. Issue 1. <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-9566.1980.tb00198.x/abstract>
18. *Passino A.W.* et al. Personal Adjustment During Pregnancy and Adolescent Parenting // Adolescence. 1993. Vol.29. №109.
19. *Prodromidis M.* Psychosocial Stressors among Depressed Adolescent mothers// Adolescence 1994. Vol.29. № 114.
20. *Stewart M.W.* Adolescent Pregnancy: Status Convergence for the Well-Socialized Adolescent Female // Youth & Society. 1981. № 12.
21. *Teen Pregnancy and Parenting.* Social and Ethical Issues / Ed. J. Wong and D. Checkland. University of Toronto Press, 1999.
22. *XIST Unga Foraldrar* Socially Excluded Young Parents: Final Report Year 3 (2003–2006). Sweden, Stockholm, 2007.